

УДК 321.151+323.3

Леонид Гершевич Фишман

доктор политических наук,
ведущий научный сотрудник отдела философии
Учреждения Российской академии наук
Института философии и права
Уральского отделения РАН
г. Екатеринбург lfishman@yandex.ru

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ И МИЛИТАРИЗАЦИЯ В АНТИЧНОСТИ¹

Статья посвящена анализу связи процессов демократизации и милитаризации общественной жизни в античности. Обосновывается, что именно развитие милитаризации в ту эпоху в течение длительного периода влекло за собой расширение демократии.

Аристократия, военная дисциплина, демократизация, гопплитская демократия, политические режимы античности, сословный этос.

Наличие милитарных элементов в современной политической жизни очевидно, хотя оно уже не так бросается в глаза, как в первой половине XX в. Все же на уровне риторики они по-прежнему существенны, равно как и на уровне привычного описания политики как войны. Эта практика описания имеет давнюю традицию.

Вопрос, которому посвящена статья, достаточно узок. Принято считать и даже является почти аксиомой, что частые войны автоматически порождают высокую степень милитаризации общественно-политической жизни. А эта высокая степень милитаризации столь же автоматически влечет за собой сворачивание гражданских прав и свобод.

Конечно, для такой логики есть основания. История XX в., казалось бы, ее всецело подтверждает. Более того, эту логику при желании можно обратить назад в прошлое, чему мы находим пример в известной работе П. Сорокина «Война и милитаризация общества». Он писал: «Если вы обратитесь к истории древних деспотий Востока, Египта, Персии, Ассирии-Вавилонии, государств воинственных, у которых войны были весьма частыми и чуть не постоянными, то вы увидите те же черты военного социализма во всем их устройстве.

¹ Работа выполнена по программе Отделения общественных наук РАН в рамках реализации проекта «Трансформация институтов гражданского общества и государства в современном мире: политико-правовые проблемы».

Здесь даны: и ничтожный объем автономии поведения подвластных, и безграничный объем власти государства, и почти полное отсутствие частной собственности на средства и орудия производства, и прикрепленность поданных к месту службы, и всесторонняя регламентация властью труда и взаимоотношений населения; и беспощадная эксплуатация населения властью имущими, и полное бесправие первых. Не в меньшей, а пожалуй еще в большей степени все это применимо к древним греческим государствам, особенно к Липаре, Спарте и к Римскому государству. Из истории последних в то же время мы знаем, что это были чрезвычайно милитарные государства, история которых чуть не сплошь полна войнами, войнами и войнами» [9].

Поэтому, считал П. Сорокин, в античных государствах с неизбежностью должны были присутствовать элементы «военного социализма»; более того, он легко находил эти элементы.

Такого рода применение логики Новейшего времени к античности нам представляется не совсем правомерным, и мы постараемся это аргументировать. Действительно, касательно именно античного полиса неоднократно утверждалось, что он был прежде всего военным образованием, вырос из духа войны. Его законы, его гражданство, свободы и дисциплина, когда более, а когда менее жесткая, его религиозная и гражданская мифология и т.д. – все было в первую очередь предназначено для войны и обретения господства посредством ее. И тем не менее в античности не существовало прямой связи между этой тотальной милитаризацией и ограничением гражданских прав и свобод, которые существовали в Европе XX в. Более того, можно утверждать, что именно развитие милитаризации в античности очень долгое время было связано с расширением демократии. Демократизация и милитаризация в течение достаточно долго времени были сторонами одного процесса.

В сущности политическая эволюция Древней Греции и Древнего Рима может быть представлена как смена относительно малочисленных военных сословий более многочисленными, что собственно и является развитием демократии.

Архаический строй Греции и Рима был чуть ли не феодальным. Но аристократы везде являлись прежде всего военным сословием, а также жреческим. Поэтому у них и взгляд на политику, точнее на решение проблем, связанных с отправлением власти, установлением и поддержанием господства и т.д., был во многом военным. При этом надо учитывать специфику «рыцарского этоса» с культом анархизма, кровных связей, чести, личной верности, аристократическим эгоизмом и т.д.

Рыцарский этос, описанный еще в «Илиаде» Гомера, проанализирован М. Оссовской. Этот тип этоса «в своем дальнейшем развитии характеризует не только воина, но и человека мирного времени, считающего себя вправе занимать самые высшие ступени общественной лестницы» [8, с. 39].

Рыцарь имеет прежде всего благородное происхождение, для него исключительно важно знание своей родословной, как и родословной других собратьев по классу. Он красив (с чем связано понятие калокагатии). Силен. Учтив и красиво говорит. Отважен, щедр, стремится к славе и отличию. Превыше всего заботится о личной и родовой чести. Поэтому он придирчив в выборе занятий. По Т. Веблену, на которого ссылается М. Оссовская, его чести не нанесут урона занятия управлением, войной, спортом и отправлением религиозных функций. К этим четырем занятиям М. Оссовская, вслед за Йегером, прибавляет еще ведение земельного хозяйства. Аристократ питает отвращение к труду за плату, а также и ко всякого рода профессионализму. Он может разбираться во многом, но только как дилетант. Господство аристократии покоится на традиции.

Приводимые в качестве примера гомеровские вожди владеют пашнями и пастбищами, «но кроме того пополняют свою казну военными набегами» [8, с. 44]. Война – родная стихия аристократии. Любой рыцарь-аристократ может сказать, что он солдат, а не политик. И это верно: античный аристократ в своем, так сказать, неприрученном виде, каким мы застаем его в эпоху крушения аристократических режимов и перехода к так называемой Старшей тирании, не хочет заниматься «политикой» в позднем смысле этого слова, он хочет просто управлять, воевать и пользоваться материальными благами своего господствующего положения. Иными словами, у аристократии самой по себе нет государственно-правового сознания. Она патриархальным образом, опираясь на личную военную силу и своих клиентов, управляет городской общиной, осуществляет в ней судебную власть, жреческие функции, основывает колонии, захватывает чужие города с целью грабежа и т.д.

В архаический период это самовластие сходит ей с рук, с течением времени, однако, в глазах прочих людей ее правление выглядит все более эгоистичным, грубым, надменным, погрязшим в роскоши. Точно так же, как ее легендарный предок отшвыривал пинком какого-нибудь посмевшегося возразить Терсита, она пытается править и в VII в. до н.э., и даже позже. В связи с этим характерно замечание Г. Берве о «допотопном правлении» аристократического рода Бакхиадов в Коринфе, «которое вообще нельзя было назвать государственным порядком» [1, с. 37]. Каков был моральный облик архаической античной аристократии, когда она обращалась лицом к внешнему миру, а не к людям своего круга, можно себе представить, проведя аналогию с ее средневековыми наследниками – рыцарями, сбивавшимися в группы ради грабежа прохожих и напоминавшими шайки бандитов. Это была *достаточно узкая социальная группа*, обладавшая ярко выраженным индивидуалистическим этосом с негативным оттенком. Для лиц этой группы совершение тягчайших преступлений не наносило ущерба доброму имени. Как иронически

пишет М. Оссовская, «быть исполнителем преступлений тирана не считалось зазорным, но отступить в чем-нибудь от правил турнира или дуэли значило запятнать свое имя» [8, с. 11-112] .

На смену подобным правителям приходят первые тираны, которые, сами были плоть от плоти аристократии. Эти политические лидеры нередко достигали власти над полисом откровенно насильственным, военным путем, порой даже завоевывая родной город и затем распоряжаясь там по праву «взявшего на копье». Так поступали многие тираны, которые прежде всего разоружали аристократию, а нередко и народ (как это сделал афинский тиран Писистрат), используя наемную армию. Тираны таким образом пытались демилитаризировать внутреннюю политику, что в общем-то соответствовало нуждам становящегося античного полиса, создавая относительно безопасное от прямого насилия по аристократическому типу правовое пространство. Характерно, что многие аристократы тяжело переживали это отчуждение от насилия, а некоторые, как Мильтиад, и вовсе уезжали в чужие края, чтобы вести там жизнь политических и военных вождей.

Тираны раннего периода подавляют знать, оказывают поддержку земледельцам, покровительствуют ремеслам – одним словом, проводят политику с подлинно государственным размахом и таким образом невольно способствуют росту так называемого полисного самосознания. Эти тираны, конечно, тоже опираются на военную силу, однако она уже иного происхождения: с одной стороны – это наемники, а также выделенная народом охрана. С другой, в период Старшей тирании оформляется **конкурирующее аристократии новое, гораздо более многочисленное военное сословие**: крестьянское ополчение гоплитов, которое почти везде устанавливает более или менее демократический режим.

Показательно, однако, что именно аристократия передала демократии ряд ключевых понятий вроде «исономии» (равенства), «арете» (доблести), демоса, охлоса и т.д. [7, с. 60]. На уровне политической культуры в Греции на весь демос распространяется аристократическое понятие изономии. В наследство от эпохи безраздельного господства аристократии еще на долгое время остаются патрон-клиентарные отношения вроде гетерии в Греции, клиентелы в Италии. На уровне политических институтов и того больше: сенат, ареопаг. Также понятие агона, соревновательности политической (как и иной) борьбы тоже возводят именно к аристократическим спортивным состязаниям. Считается, что аристократы придумали спорт именно тогда, когда их ограничили в политической жизни и больше не давали решать вопросы непосредственно насильем. Ну и, конечно, при всех ограничениях, аристократы все равно остаются самой влиятельной политической и культурной элитой. Фюстель де Куланж по этому поводу замечает: «Читая Пиндара, поражаешься

невольно тем аристократическим духом, который царит еще в греческих обществах во времена персидских войн, и по этому можно себе представить, как могущественна была эта аристократия один или два века раньше» [11, с. 287].

Позднее демократия, как к примеру в Афинах, уравновесила вооруженность аристократии вооруженностью народа (начиная от двухлетней военной службы юношей из «среднего класса» – эфебии – и заканчивая широким участием в войнах уже и самых низших свободных слоев населения). И такой всеобщий доступ к вооружению и сопутствовавшим ему гражданским правам парадоксальным образом привел к относительной демилитаризации политической сферы. Аристократическое сословие было устранено с политической сцены в качестве **единственного политического и единственного военного**. Выяснилось, что прочие классы также обладают своим собственным военным духом, определяющим специфические для него методы ведения войны и вытекающей из них социальной организации.

В Греции классического периода только Спарта может считаться сохранившимся надолго оазисом аристократического правления. Но такой ценой, что ряд исследователей прямо отказывает ее политическому режиму в аристократической природе. Тем не менее, Лакедемон был правлением довольно немногочисленной общины военных профессионалов, захвативших свое господство путем порабощения коренного населения и считавших единственно достойными занятиями все те же войны, управление, спорт и отправление религиозного культа. Но чтобы надолго сохранить свое господствующее положение, спартиаты со времен Ликурга ввели запрет на обогащение, уравнительное распределение земельных участков, обрабатываемых илотами и т.д. Изменился и традиционный аристократический этос. Так, культ красоты уступил культу силы и выносливости, аристократическая честь и гордость – беспрекословному подчинению начальству, стремление к личной славе – отказу от индивидуализма. Спарта сохранила аристократическое правление ценой отказа от существеннейших черт аристократического этоса. Показательно поэтому, что, по словам Ксенофонта, все греки хвалили спартанские порядки, но никто не спешил им подражать. И действительно, земледельцы и ремесленники, конечно, не могли желать для себя участи илотов и перизков, а аристократам даже афинская демократия предоставляла возможность вести более привычный им образ жизни, чем тот, который ожидал бы их в Спарте.

Итак, изменения в военном деле, а именно появление гоплитского вооружения, приводят и к сравнительному падению военной роли аристократии. Полис вообще начинает обретать самосознание именно в этот период, когда вооруженный демос осознает свою силу. Тогда приходят тираны, которым уже есть на что опереться в своей борьбе против аристократов.

В известном смысле чисто военно-технический фактор в архаическом обществе обеспечивает господство аристократии: хорошее вооружение стоит дорого – бронзовое оружие, колесницу, броню позволить себе может не каждый. Война представляет собой поэтому схватки рыцарей-профессионалов, в которых ополчение обычно играет роль статистов. Герои вроде Ахиллеса или Гектора обращают в бегство толпы простых воинов. То, за что Тит Манлий казнил своего сына, для них самое обычное явление. Если ты силен и искусен, почему бы не покинуть строй и не сразиться с врагом? Впрочем, как мы могли видеть, рассматривая аристократический этос, знатные в гражданской жизни ведут себя так же. И гражданскую жизнь они строят по своей мерке опираясь на физическое превосходство и верность зависимых от них клиентов.

В сравнении с привычным индивидуальным военным профессионализмом аристократа, вытесняющий его крестьянин-гоплит, конечно, ему уступает. В известном смысле, гоплитское войско, обычно связываемое с демократией, это войско дилетантов, гражданское ополчение. Отметим, что гоплитская демократия – это демократия «средних слоев». Гоплит – достаточно зажиточный человек, землевладелец, нередко мелкий аристократ. Гоплитское вооружение мог себе позволить не каждый. Не случайно имущественный ценз в Афинах после реформ Солона и в Риме после реформ Сервия Туллия был в то же время и цензом военным. Однако гоплит прежде всего гражданский человек, война не является его главным ремеслом. Командует им такой же гражданский, который тоже не всегда является военным профессионалом. Но даже если командующий и имеет большой военный опыт, подчинение ему гоплитов продолжается только до определенной степени даже во время войны. Этот командующий обычно происходит из аристократии, чье господство еще свежо в памяти и поэтому командиру с величайшим трудом удастся, к примеру, *уговорить* своих солдат заняться строительством укрепленной позиции или обустройством лагеря. У Ксенофонта Перикл жалуется, что афиняне всегда проявляют послушание по отношению к учителям гимнастики и руководителям хоров, но всадники и гоплиты строптиво относятся к своим начальникам. Афиняне стараются где только можно действовать наперекор властям и кичатся этим. Сократ на это замечает, что причина в том, что полководцы сами далеко не всегда профессиональны: в противном случае их слушались бы точно так же, как слушаются мастеров пения и гимнастики. Спартанцы славились своим послушанием начальникам, но, как справедливо замечает Г. Дельбрюк, «спартанская выдержка оказывается скорее результатом общего воспитания, а не того, что мы обычно называем военной дисциплиной» [3, с. 117]. Даже в Спарте полководец не мог наказать того же дезертира своей властью – его судило народное собрание после войны.

Однако сравнительно с аристократической вольницей гоплитское ополчение обладает уже достаточно высоким уровнем спайки и военной дисциплины. Для фалангита, даже не слишком опытного, требуется главным образом держать строй, слушаться начальника по крайней мере на поле боя, в фаланге индивидуальное мастерство во многом нивелируется.

В итоге полис классической эпохи оформляется прежде всего как «цех воинов». М. Вебер пишет: «Резюмируя, можно сказать, что античный полис был со времени создания дисциплинированного войска гоплитов **цехом воинов**. Каждый город, который хотел вести активную политику, должен был в большей или меньшей степени следовать примеру жителей Спарты и создавать из граждан обученные отряды гоплитов. Аргос и Фивы также создали в период своей экспансии контингенты виртуозов военного дела, в Фивах они были еще усилены личными узами товарищества. Города, не имевшие подобных отрядов и ограничивавшиеся гоплитами из горожан, как Афины и большинство других городов, были вынуждены довольствоваться обороной. После падения знатных родов гоплиты городов стали господствующим классом полноправных граждан. Аналогии им нет ни в средние века, ни где-либо еще. И греческие города неспартанского типа также носили в той или иной степени характер постоянного военного лагеря» [2, с. 431-432].

Заметим, кстати, что приведенные Вебером примеры – это вовсе не примеры автократических режимов, тираний, даже военных монархий. Это все – разновидности демократий. Однако эволюция полиса как «цеха воинов» еще вовсе не была завершена с утверждением у власти «касты» гоплитов.

Если полис проводил успешную экспансию, то это поневоле заставляло привлекать к военной службе все более широкие контингенты населения: нужно удержать завоеванное, держать в повиновении союзников. Этот путь в Греции наиболее последовательно прошли Афины. Однако увеличение все еще формирующегося из довольно состоятельных граждан гоплитского войска оказывается невозможным без установления той или иной версии демократии или без ее расширения. Только демократия способна достичь наибольшей степени мобилизации граждан, их сознательного участия в делах мира и войны. Е. Елизаров отмечает: «В условиях тиранического правления человек – это всего лишь механический бездушный исполнитель чужой воли, – внедрение же принципов демократии позволяет запустить на полный ход машину патриотического воспитания, которое заставляет его (совершенно добровольно, свободным нравственным выбором) возложить на самого себя часть ответственности за судьбы своего отечества. Только эти принципы позволяют создать вокруг человека, уклоняющегося от исполнения своего гражданского долга, атмосферу (вспомним тех несчастных, кому

удалось уйти живыми из Фермопильского ущелья) всеобщего презрения и гнева» [4].

Надо также отметить еще одну существенную черту пришедших на смену аристократии военных сословий: они обладали иным военным этосом. Войны становятся гораздо более жестокими, истребляются целые города. Это уже не аристократическая умеренность, это не рыцари сражаются за честь и славу, а народы «совершенно добровольно, свободным нравственным выбором» воюют друг с другом. Тут надо вспомнить, как сурово Афины усмиряли восставших союзников, какой жестокой была пелопонесская война. Именно в период наивысшего расцвета демократии внешние войны приобретают сходство с гражданскими, да и вообще смешиваются с ними: они ведутся между полисами с различными режимами, воюющие стороны помогают своим политическим союзникам во враждебных городах (демократы вырезают аристократов и олигархов и наоборот).

Пелопонесская война и другие, последовавшие за нею, приводят к тому, что ополчение гоплитов вытесняется военными профессионалами нового типа – войском наемников «со стороны» и войском малоимущих граждан, служащих за жалованье. С гражданско-политической точки зрения этот процесс весьма неоднозначен. Здесь необходимо выделить несколько факторов.

В демократических Афинах со времен Перикла для основной массы малоимущих военная служба стала основным источником дохода. Но какая это была служба? Преимущественно на флоте. Там служило гораздо больше людей, чем в сухопутной армии. В чем специфика флотской службы? Она уже в те времена требовала гораздо большей степени дисциплины, чем та, которая была в гоплитском ополчении. Корабельная команда во время боя, да и не только, должна по необходимости действовать как единое целое. Военный матрос, следовательно, будет **более дисциплинированным**, и это отразится вообще на его политическом самосознании. Так же как в море он подчиняется командиру, в народном собрании он будет следовать за демагогом. При этом сам афинский политический режим становится еще более демократическим, чем прежде. Характерно замечание по этому поводу военного историка А. Штенцеля: «Превращение Афин в крупную морскую державу и события 480 и 479 гг. до н.э. повлекли за собой демократизацию конституции... Благодаря возросшей потребности в командах для флота и в рабочих для сооружения громадных стен и других построек возросло количество граждан четвертого класса, которых было бы несправедливым лишать участия в управлении. Поэтому в 478 г. до н.э. по предложению Аристида был проведен закон, по которому доходы с движимого имущества стали давать права одинаковые с доходами от поместий. Этим уничтожилась последняя привилегия землевладельцев и высшего сословия, и каждый

гражданин получил право быть избранным в совет 500, в архонты, а следовательно и в ареопаг» [12].

Возрастает значение легковооруженной пехоты – пельтастов. Они действуют в рассыпном строю, их успех и сама жизнь зависят от быстроты, ловкости обращения с оружием, строгого подчинения дисциплине во время выполнения маневров. Если малообученный гоплит все же эффективен в строю фаланги, где его недостатки уравниваются опытом старших товарищей, то такой же пельтаст не имеет никакой военной ценности. Пельтаст просто обязан быть профессионалом и *обязан быть дисциплинированным*. Наемные войска, начинающие играть все большую роль, состоят преимущественно из пельтастов. Именно у них появляется настоящая военная дисциплина и муштра. Наемников, как это ни покажется странным, гораздо легче удастся заставить строить, скажем, укрепления, лагеря, вообще заниматься физическим трудом.

Гоплитского ополчения с его тяжелым вооружением вполне хватало для борьбы полисов между собой в классической Греции и даже для отражения нападений персов. Но это были немногочисленные армии, предназначенные для решения локальных задач, непригодные для ведения долгих войн. Однако уже Пелопонесская война, а затем другие войны за гегемонию в Греции были войнами принципиально иного масштаба и с другими задачами. Для их выполнения прежде всего требовалось просто **больше** войск лучшего качества, что при ограниченности численности граждан можно было достигнуть только прибегая к наемничеству. Конечно, нельзя сказать, что исключительно изменения требований к качеству войск привели к трансформациям политических режимов античности. Сами по себе изменения требований к войскам вытекали из экономических, демографических, внешнеполитических и иных факторов, вначале заставивших бороться с персами, а потом бросивших греков в войны за гегемонию в Элладе. Но существенный вклад этих изменений отрицать нельзя. Точно так же, как первая мировая война породила массу принципиально новых «социальных технологий» и усилила непосредственным или опосредованным образом военные элементы гражданской жизни, войны за гегемонию в Элладе если и не явились главной причиной изменений ткани ее гражданских обществ, то стали катализатором таких изменений. Античная государственность уже в силу своего рабовладельческого характера была пронизана милитарным духом; античный «капитализм» был военным, невозможным без постоянной опоры на вооруженную силу; античное гражданство было немислимо без своего военного значения. Если это значение было затем умалено наемничеством, то в неприкосновенности осталась сама милитарная природа античной государственности, античного гражданства. Изменилось только одно: **в начале этого пути из граждан старались сделать профессиональных или почти профессиональных воинов, а**

в конце – из имеющихся в наличии военных профессионалов пытались сделать граждан или подданных.

Начинают раздавать земли и гражданство наемникам – и в первую очередь там, где чувствуется острая нужда в новых и лояльных гражданах. Уже сиракузский тиран Дионисий I в конце IV – начале V в. до н.э. расплатился со своими наемниками землей в Леонтинах и Тавромении. Предполагалось, что новые землевладельцы будут также и охраной этим землям, а также надежной опорой тирана [1, с. 281-282]. Спартанские цари-реформаторы второй половины II в. до н.э. Клеомен, Агис и Набис один за другим пытаются расширить состав граждан за счет малоимущих слоев и наемников. Особенно в этом преуспел Клеомен [6, с. 179]. Как и в сицилийском случае, эти новые граждане должны были стать надежной опорой замышлявшейся военной монархии.

Таким образом, мы видим, что возрастание естественной милитаризации античного полиса вначале ведет к демократизации политического режима; там же, где такой демократизации, как в Спарте, не происходит, все равно приходится расширять воинские контингенты за счет тех слоев (перизков), которые раньше доступа к оружию не имели, а затем и вообще сторонних людей – наемников. Считается справедливым предоставить несущим тяготы военной службы низшим слоям полноценные гражданские и политические права. Наступает пора демагогов. В то же время эти новые широкие военные контингенты как в силу своего профессионализма, так и в силу новых специфических требований военного искусства, поневоле обладают большей дисциплиной, склонностью к подчинению и т.д., чем даже войско гоплитов. Меняется ментальность этих граждан. Гражданин, прошедший школу наемнической муштры – уже не то, что сельский гоплит (республиканский легионер) или греческий (римский) аристократ. Кадровый военный – только формально демократ и республиканец. Даже когда ему дают в награду за службу землю и права, как это неоднократно происходило в Элладе, он становится скорее опорой военной монархии, чем республики. Вообще переход к кадровой армии – это фактический отказ от попытки сохранить прослойку воинов-граждан. Воины получают, а граждане – нет, хотя они и считаются таковыми. Эти люди уже редко возвращаются к нормальной жизни. В римской армии для старых солдат были даже созданы специальные подразделения (не только в Риме были «инвалидные роты»). Но и в этом случае сползание от более-менее демократических форм правления к авторитарным осуществляется постепенно.

Это – «нормальный» вариант развития событий; он происходит тогда, когда полис долгое время проводит успешную экспансию, в основном выигрывает войны и т.д. Если же полис ведет войны с переменным успехом, если у него есть могучие враги, которых

он победить не может в принципе, как это было с городами Сицилии, постоянно воевавшими с Карфагеном, тогда милитаризация практически сразу ведет к крушению демократии и установлению тирании.

Так было в Греции. В Риме ситуация складывалась несколько иначе.

Если в Греции «фаланга стала стержнем полисной структуры» [10, с. 143], то в Риме этому мешала борьба плебса против аристократии, постоянно перемещавшаяся с форума на воинские сходки. Однако и здесь мы видим все тот же процесс одновременно нарастающих демократизации и милитаризации, и в чем-то он даже более ярко выражен.

Уже во времена царей, после реформы Сервия Туллия римские курии были базовыми единицами комплектования войска: «курии в период от Ромула до Сервия Туллия возродились в качестве союзов мужей воинов, но уже на иной основе, с другими, ранее несвойственными ей, а именно военными и религиозными целями и в условиях развертывания генезиса государства» [10, с. 54].

«Введение организованного по сословно-цензовому принципу гоплитского войска, где тяжеловооруженные состоятельные общинники получали преимущество независимо от родового происхождения, явилось одним из важнейших признаков формирования государства полисного типа» [10, с. 66].

Иными словами, в Риме принцип формирования армии определил политическую структуру и особенности политической борьбы. Центуриатное собрание, будучи собранием войска, объективно заняло место собрания всей *civitas*. Оно «объединило патрициев и плебеев в одних цензовых разрядах и центуриях независимо от сословной принадлежности. Поэтому реформирование войска означало неизбежно и переустройство всего общества, а введение территориального деления первоначально для чисто военных целей знаменовало переход от гентильной организации к полисной» [10, с. 66]. При этом средний римский общинник, не патриций, но и не пролетарий это «ассидуй» – «воин и одновременно член политической центурии в народном собрании» [10, с. 72].

Поэтому и сама военная дисциплина в республиканском Риме превратилась в орудие политической борьбы. Так, Тит Ливий «неоднократно воспроизводит ситуацию в V–III вв. до н.э., когда тот или иной консул штрафами или угрозами наказаний приводит военнообязанных граждан к присяге» [10, с. 172]. Он также передает сеговования плебеев на то, что сенаторы «повсюду уже без разбора ищут войн», гоняя легионы по всей Италии и грозят войной соседям из ненависти скорей к гражданам, чем к врагам, лишь бы держать плебеев в войске, не дать им передохнуть в Городе, не дать им на досуге вспомнить о свободе, побывать на сходках, где они могли бы

иногда слышать голос трибунов, стремящихся облегчить долги и покончить с прочими несправедливостями.

Неудивительно, что хваленая римская дисциплина является достоянием уже скорее поздней республики и империи. Войско отнюдь не оставалось пассивной массой, послушной всем приказам командиров. Будучи милиционным ополчением граждан, римское войско стало фокусом общественных конфликтов. Нередкими были прямой отказ подчиняться консулу или другому военачальнику, если его действия воспринимали как невыгодные массе войска, как своекорыстные или классово-корыстные. Войска отказывались идти в бой, если им не пообещают удовлетворения их политических и имущественных требований, например прощения долгов, расширения прав плебеев или доли военной добычи. Иногда доходило и до прямой расправы над консулами, особенно если они были патрициями-ненавистниками плебеев. Плебеи прямо указывали военачальникам-патрициям, что они являются не их рабами, а свободными гражданами; часто они просто принуждали консулов начать сражение, если полагали, что они затягивают войну намеренно. При этом минимальная дисциплина поддерживалась только благодаря религиозным запретам и требованиям, из боязни оскорбить богов, а вовсе не гражданскую и военную власть. Только в дальнейшем «с постепенным отделением военной организации от гражданства и превращением войска в орудие государства сакральная основа воинской дисциплины стала уже недостаточной и начала дополняться системой государственного принуждения» [10, с. 181]. Но к тому времени плебеи уже добились от аристократии удовлетворения значительной части своих требований – политический режим демократизировался.

Война являлась главным катализатором перемен в политической сфере античного полиса: достижение известного предела завоеваний (как Афины или Рим) влекло за собой демократизацию политических режимов. Становилось необходимым вовлечение во власть все большей части граждан. Без этого, как замечает Е. Елизаров, «античный город оказывался просто не в состоянии справиться со своими трофеями» [4]. Показательно, что в античности в целом то однозначно автократических режимов, не легитимировавших себя волей народа, было мало. С тех пор, как были свергнуты правившие полисами цари, а затем и аристократы, любой политический режим, особенно режим «успешного» полиса, так или иначе опирался на волю народа, даже если сама численность этого полноправного народа была весьма ограниченной как в Спарте. М. Кантор о второй мировой войне выразился так: «В годы второй мировой войны на поле брани сошлись несколько держав – и каждая из них имела основания считать себя демократической, всякий правитель выражал лишь волю народа: Черчилль не в меньшей степени, чем Ста-

лин, а Гитлер в не меньшей степени, чем Рузвельт» [5, с. 22]. Но точно так же и в античности, как правило, боролись между собой различные версии демократии, и в итоге победила та из них, которая умела наиболее полно мобилизовать своих граждан на борьбу.

В конечном счете, эта наиболее успешная версия демократии оказалась и более живучей. Но республиканское правление в Риме продержалось дольше, чем демократия в Афинах не потому, что его форма была более совершенна, а потому что Риму удалось выиграть войну за гегемонию в Италии, в то время как Афинам не удалось подчинить себе Элладу. Рим мог долгое время пользоваться «резервом» из «среднего класса» италийских общин, которые обладали разным объемом прав и которым в итоге дали полноценное римское гражданство. Поэтому в Риме процесс увеличения войска за счет наемников и малоимущих классов (и соответственной стремительной демократизации уже во времена Гракхов) затянулся на гораздо более длинный период. Афины же, как и прочие греческие полисы, очень скоро должны были вслед за демократизацией режима (чего уже просто не хватало) прибегать к услугам наемников, что, как показала история Рима, обеспечивало относительно быстрый дрейф к тирании и военной монархии. Другое дело, что в Элладе этот процесс был прерван внешним воздействием – римским завоеванием.

Таким образом, в античности необходимость увеличения воинских контингентов, сначала вела к демократизации политических режимов, но потом становилась важнейшим фактором их перерождения. Эту связь хорошо понимали европейские государи XVIII–XIX вв., когда всеми силами старались не ввязываться в большие войны, чреватые в случае успеха милитаризацией и демократизацией. При этом следует заметить, что империя, которая выросла из процессов милитаризации и демократизации, была в общем-то менее милитаризованным государством, нежели республика, которой она наследовала. Скорее наоборот: пик милитаризации был достигнут именно при республике, где право занимать муниципальную должность давалось только после 10 военных походов. Показательно также, что и римская армия времен империи с ее господством чисто гражданской бюрократии была значительно менее республиканской. В отношении к общей величине населения она составляла всего 0,3%, тогда как при республике порой достигала 7,5%. К этому следует добавить, что имперская армия, периодически возводившая на престол императоров, на деле далеко дистанцировалась от гражданской жизни: она была расквартирована на границах, и чем дальше, тем больше пополнялась чужаками-варварами. Такая армия, конечно, не могла уже быть фактором милитаризации ни в современном, ни в античном смысле этого слова.

Военная и территориальная экспансия породила античные демократизацию и милитаризацию; она же и убила их.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Берве Г.* Тираны Греции. Ростов-на-Дону, 1997. 640 с.
2. *Вебер М.* Город // Избранное. Образ общества. М., 1994. 704 с.
3. *Дельбрюк Г.* Всеобщая история военного искусства. М., 2008. 864 с.
4. *Елизаров Е.* Античный город. СПб, 2006. 328 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Eliz/ (проверено 12.03.2009 г.).
5. *Кантор М.* Медленные челюсти демократии. М., 2008. 496 с.
6. *Кошеленко Г.А.* Греция в эллинистическую эпоху // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С. 141-186
7. *Маринович Л.П.* Античная и современная демократия: новые подходы к сопоставлению: учебное пособие. М., 2007. 212 с.
8. *Оссовская М.* Рыцарь и буржуа: Исследования по истории морали. М., 1987. 528 с.
9. *Сорокин П.* Война и милитаризация общества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.krotov.info/lib_sec/18_s/or/okin_02.htm (проверено 12.03.2009 г.).
10. *Токмаков В.Н.* Армия и государство в Риме: от эпохи царей до пунических войн. М., 2007. 264 с.
11. *Фюстель де Куланж Н.Д.* Гражданская община древнего мира. СПб., 1906. 459 с.
12. *Штенцель А.* История войн на море с древних времен до конца XIX века. М., 2002. Т. 1. 704 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.fictionbook.ru/author/shtencel_alfred/istoriya_voyin_na_more_s_drevneyis_hih_vr/ (проверено 12.03.2009 г.).

RESUME

Leonid Gershevich Fishman, Doctor of Political Science, senior researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences. Ekaterinburg, fishman@yandex.ru

Democratization and militarization in antiquity

The article is devoted to the analysis of the link between process of democratization and militarization of social life in antiquity. The author argues that the very extension of militarization in long run was accompanied by widening of democracy.

Aristocracy, military discipline, democratization, hoplite democracy, political regimes of antiquity, estate etos.

Материал поступил в редколлегию 20.03.2009 г.